

143
u

A

A

2007089603

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Языкъ словъ есть одинъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ актовъ человѣческаго духа, и потому наука о языкѣ, изучающая то, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, изучающая то, что должно быть для него особенно дорого, должна представлять высокій интересъ для пытливаго ума“ (Русс. Филол. Вѣстн. 1897 г.).

„Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, преданное намъ нашими предшественниками!.. Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ; въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса“ (И. С. Тургеневъ, Сочин., изд. 1880 г., т. I, стр. 108).

Окончивъ съ помощію Божіею многолѣтній и весьма тяжелый трудъ по составленію полнаго церковно-славянскаго словаря ¹⁾ какъ новаго періода,

¹⁾ Здѣсь не излишне рѣшить вопросъ: „что такое церковно-славянскій языкъ?“ Чтобы быть краткимъ, мы скажемъ только слѣдующее. Церковно-славянскій, или старо-славянскій, или древне-болгарскій языкъ — тотъ языкъ, на который славянскіе первоучители, святые Кириллъ и Меѳодій, перевели съ греческаго важнѣйшія книги священнаго писанія и церковно-богослужебныя и который, послѣ ихъ кончины, сдѣлался литературнымъ языкомъ болгаръ, сербовъ и русскихъ.

У балканскихъ славянъ, именно болгаръ, онъ нашелъ себѣ широкое употребленіе въ X вѣкѣ, при царѣ Симеонѣ. Въ это время, въ золотой вѣкъ болгарской письменности, на него было переведено значительное количество произведеній какъ духовной, такъ отчасти и свѣтской византійской литературы и, сверхъ того, на немъ было написано нѣсколько оригинальныхъ произведеній. Послѣ эпохи Симеона, около половины XII вѣка, церковно-славянскій языкъ, измѣнившійся подъ вліяніемъ живыхъ болгарскихъ говоровъ въ звукахъ, формахъ, словахъ, перешелъ въ такъ называемый средне-болгарскій языкъ. Въ новомъ видѣ онъ долгое время былъ употребляемъ для новыхъ переводовъ съ греческаго для оригинальныхъ сочиненій, и значеніе литературнаго языка болгаръ было сохраняемо имъ въ XVII столѣтія.

Русскіе познакомились съ церковно-славянскимъ языкомъ очень рано. Уже первые русскіе христіане пользовались церковно-славянскими богослужебными книгами, какъ показываетъ, между прочимъ, папская булла 967 года, упоминающая о славянскомъ богослуженіи у русскихъ; древнѣйшіе дошедшіе до насъ письменные памятники русскихъ — переводы договоровъ съ греками киевскихъ князей Олега 912 г. и Игоря 945 г. — написаны на смѣси церковно-славянскаго языка съ русскимъ, едва ли не священниками-болгарами,

такъ отчасти и древняго ²⁾, со внесеніемъ въ него важнѣйшихъ и древне-русскихъ словъ, мы считаемъ теперь необходимымъ высказаться какъ о той

жившими въ Кіевѣ. Послѣ принятія христіанства всею Русью при святомъ Владимірѣ, церковно-славянскій языкъ, съ болѣе или менѣе сильною русскою окраскою, сдѣлался русскимъ литературнымъ языкомъ и продолжалъ быть имъ въ теченіе многихъ столѣтій, почти до половины XVIII вѣка. Сверхъ того, значительное количество его звуковыхъ, формальныхъ и словарныхъ особенностей вошло въ языкъ русскаго образованнаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ въ современный русскій литературный языкъ.

Такимъ образомъ церковно-славянскій языкъ былъ въ теченіе дѣлаго ряда столѣтій общимъ литературнымъ языкомъ южнаго и восточнаго славянства. Онъ остается до сихъ поръ языкомъ богослуженія у всѣхъ православныхъ славянъ (а равнымъ образомъ у униатовъ и немногихъ католиковъ), и болгары, сербы, русскіе пользуются въ наши дни однѣми и тѣми же церковно-славянскими богослужебными книгами. (См. подробнѣе въ *Фонетикѣ ц.-слав. языка проф. А. Соболевск.*)

Къ этому мы добавимъ, что языки церковно-славянскій и нашъ русскій, какъ отдѣльныя нарѣчія, суть члены одного, общаго имъ славянскаго языка, который, въ свою очередь, вмѣстѣ съ языками индусовъ, персовъ, грековъ, римлянъ, кельтовъ, нѣмцевъ и литовцевъ, входитъ, какъ отдѣльный членъ, въ общій составъ языковъ индо-европейскихъ.

²⁾ Церковно-славянское нарѣчіе дѣлится обыкновенно на нѣсколько періодовъ, хотя ученые доселѣ не согласны въ разграниченіи этихъ періодовъ.

Такъ, академикъ А. Востоковъ раздѣлялъ церковно-славянскій языкъ на три періода: древній, средній и новый. „Древній языкъ, говоритъ онъ, заключается въ письменныхъ памятникахъ отъ IX и за XIII столѣтіе. Онъ непримѣтно сливается съ языкомъ среднимъ XV и XVI столѣтія, а за симъ

цѣли, которой мы желали достигнуть изданіемъ его въ свѣтъ, такъ и о той программѣ, которой мы неуклонно слѣдовали во все время работы надъ нимъ; въ заключеніи предисловія мы скажемъ о назначеніи настоящаго труда, объ источникахъ при составленіи его, о сокращеніяхъ и о томъ, какъ нужно пользоваться словаремъ при отысканіи того или другого слова или оборота рѣчи.

I. Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, со дня окончанія нами курса въ М. Д. Ака-

уже слѣдуетъ новый славянской или языкъ печатныхъ церковныхъ книгъ. „Такое измѣненіе въ славянскомъ языкѣ, говоритъ извѣстный составитель славянской грамматики П. Перевлѣскій, продолжалось вплоть до напечатанія новоправленныхъ книгъ въ Россіи. Съ появленіемъ ихъ, онъ остается неприкосновеннымъ и неизмѣннымъ, принявъ и усвоивъ русскую редакцію, которая установлена и утверждена полною теоріею въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго“ (1619 г.). (См. *Слав. грам. Перевлѣскаго*, изд. X, стр. 1—2). Академикъ Ѳ. Буслаевъ признаетъ только два періода въ исторіи церковно-славянскаго языка, не опредѣляя точно границы ихъ. „Въ исторіи церковно-славянскаго языка, говоритъ онъ, надобно отличить два періода: къ первому относится языкъ древнѣйшій, въ наибольшей чистотѣ сохранившійся въ древнѣйшихъ его памятникахъ; ко второму — языкъ позднѣйшій, образовавшійся подъ вліяніемъ русскаго: это — тотъ языкъ, которымъ мы пользуемся въ нынѣ употребительныхъ церковныхъ книгахъ.

Чтобы понять грамматическія формы новаго церковно-славянскаго языка, необходимо знать, что въ немъ собственно принадлежитъ древнему, и что внесено изъ русскаго“ (*Истор. грам. русс. яз. Ѳ. Буслаева*, изд. III, 1868 г., стр. 15).

Другіе же, какъ наприм. извѣстный педагогъ Ильминскій, вовсе не признаютъ періодовъ въ славянскомъ языкѣ и считаютъ имѣющимъ научное значеніе одинъ только древній періодъ церковно-славянскаго языка — языкъ Остромирова евангелія и ему подобныхъ памятниковъ древне-славянской письменности. Что же касается церковно-славянскаго языка такъ называемаго новаго періода, языка нашихъ современныхъ ц.-богослужебныхъ и библейскихъ славянскихъ книгъ, то онъ, по ихъ мнѣнію, есть тотъ же древне-славянской языкъ, только значительно испорченный внесеніемъ въ него русскихъ формъ и условныхъ правилъ склоненій и спряженій и орфографіи грамматики Мелетія Смотрицкаго и современныхъ ему писателей (См. брошюру: „*Размышленіе о сравнительномъ достоинствѣ въ отношеніи языка разновременныхъ редакцій ц.-славянскаго періода псалтири и евангелій*“, Спб. 1886 г.). Не входя въ критическую оцѣнку этого взгляда, какъ не относящуюся къ нашему труду, мы должны сказать, что нашъ долгъ отмѣтить и объяснить всѣ формы церковно-славянскаго языка на протяжении всей его исторіи, особенно же тѣ, которыя чаще всего встрѣчаются въ настоящее время, т.-е. формы церковно-славянскаго языка современныхъ церковно-богослужебныхъ и библейскихъ книгъ. Для терминологіи лучше всего, какъ намъ кажется, признавать тѣ періоды, которые установлены Востоковымъ.

деміи и въ особенности со времени выдержанія нами экзамена въ историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета для занятія должности преподавателя русскаго языка и словесности (которую мы проходили почти 10 лѣтъ)¹⁾, у насъ возникла мысль (которая, кстати сказать, постепенно, чрезъ собраніе филологическаго матеріала, каждый день понемногу и осуществлялась) составить такой церковно-славянской словарь, который заключалъ бы въ себѣ въ надлежащемъ объясненіи со стороны этимологической, историко-филологической и сравнительной всѣ мало понятные слова и обороты рѣчи церковно-славянскаго языка, такъ называемаго новаго періода, т. е. языка современныхъ библейскихъ и церковно-богослужебныхъ книгъ, и содержалъ бы въ себѣ въ то же время всѣ важнѣйшіе и чаще употребляемые слова и обороты рѣчи, затруднительные для пониманія древне-славянскаго и древнерусскаго языка, — словарь, при помощи котораго можно бы безъ затрудненія читать и понимать всѣ священно-библейскія, церковно-богослужебныя, а равно и прочія древнія духовно-назидательныя книги, на которыхъ воспитывался и воспитывается русскій народъ, — далѣе памятники духовной и свѣтской древне-русской и древне-славянской письменности въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась вся жизнь нашихъ предковъ славянъ со стороны умственной, религіозно-нравственной и культурной вообще.

Проф. Н. Гротъ въ своей монографіи подъ названіемъ: „Основанія экспериментальной психологіи“ говоритъ: „документы, раскрывающіе факты человѣческой душевной жизни, весьма многочисленны; они широко и обильно разбросаны вокругъ насъ, и мы ихъ еще почти не изучали, не допрашивали, — вся литература человѣческая, все искусство, вся наука, религія, философія, всѣ историческія дѣянія людей, ихъ бытъ, нравы и законы, произведенія архитектуры, живописи, скульптуры, музыки, поэзіи, формы государственной и общественной жизни — все это психическіе факты и документы мышленія, творчества, чувства, воли

1) Въ Поливановской учительской семинаріи, во 2-й Московской гимназіи и въ 3-мъ Военномъ Александровскомъ, въ Москвѣ, Училищѣ.

людей, и мы еще не изучали ихъ *психологически*“ („Основанія эксперимент. психол.“ проф. Н. Грота, 1896 года, стр. 8). Соглашаясь вполне съ этими словами, мы прибавимъ, что всѣ перечисленные документы, раскрывающіе факты человѣческой душевной жизни, суть въ то же время и прежде всего документы лингвистики, матеріалы для изученія языка человѣка вообще, чрезъ который проявляется духъ и природа человѣческихъ существъ. Потому, мы вводили въ свой словарь слова не только одного, напр., церковно-богослужебнаго языка, что было бы въ высшей степени односторонне (ибо человѣкъ живетъ не однимъ религіознымъ чувствомъ, опредѣляющимъ его отношенія къ Богу, но и всѣми силами и способностями своего духа, ума и воли, опредѣляющими его разнообразныя отношенія къ жизни природы и окружающимъ его людямъ),—но и слова, выражающія разнообразную жизнь человѣка вообще. Этимъ мы даемъ отвѣтъ тѣмъ критикамъ, которые могутъ насъ упрекать за разнообразіе словъ, внесенныхъ нами въ словарь и касающихся всѣхъ выше перечисленныхъ сторонъ жизни и дѣятельности всемірной исторіи человѣческаго духа.

Но составить самый полный и вмѣстѣ подробный церковно-славянскій словарь¹⁾, поставить въ органическую связь весь лексическій запасъ церковно-славянскихъ словъ новаго періода съ словами древне-русскими и древне-славянскими, какъ родственными нарѣчіями одного и того же славянскаго языка, (безъ чего нашъ трудъ не имѣлъ бы научнаго обоснованія и не достигалъ бы своей цѣли, такъ какъ памятники нашей древней письменности написаны частью на древне-русскомъ нарѣчьи, частью на древне-славянскомъ, а частью, уже позднѣйшія по времени, на церковно-славянскомъ языкѣ новаго періода), было одною лишь стороною дѣла. Другая заключалась въ томъ, чтобы составленный словарь отвѣчалъ бы какъ современнымъ требованіямъ филологіи вообще, такъ и сравнительной лингвистики и славянской палеонтологіи, археологіи, славянской мифологіи,

исторіи, библейской эгзегетики, свящ. географіи, метрологіи и т. п. областямъ знаній въ частности. Для достиженія этой широко намѣченной цѣли мы должны были въ продолженіе многихъ лѣтъ, во 1-хъ, отмѣчать на особыя карточки всѣ требующіе объясненія (понятныхъ словъ древне-славянскихъ, древне-русскихъ и ново-славянскихъ мы вовсе не отмѣчали, а если вносили нѣкоторыя изъ нихъ, то потому, что они имѣли особенное значеніе) слова и обороты рѣчи во всѣхъ современныхъ церковно-богослужебныхъ и старинныхъ книгахъ, многихъ рукописяхъ, лѣтописяхъ и другихъ наиболѣе важныхъ памятникахъ церковно-славянскаго и древне-русскаго языка; во 2-хъ, приискивать къ нимъ соотвѣтствующее значеніе; въ 3-хъ, давать найденнымъ формамъ языка надлежащее филологическое объясненіе. Для достиженія этой цѣли мы должны были ознакомиться со всѣми филологическими трудами по древне-русскому и церковно-славянскому языку (Памвы Берынды, протоіер. Алексѣева, Срезневскаго, Дювернуа, Востокова, В. Даля, Миклошича, Грота, Буслаева, Будиловича, Ягича, прот. А. Горскаго, К. Невоструева, проф. А. Соболевскаго, Микуцкаго, А. Гильфердинга, А. Хомякова, „Матеріалами для сравнительнаго словаря и грамматики“, изд. 2-ымъ отдѣленіемъ Академіи наукъ, Гильтебрандта и т. под. трудами по древней русской и церковно-славянской лексикологіи и филологіи вообще),—ознакомиться съ лучшими трудами по славянской палеонтологіи, сравнительной лингвистикѣ, археологіи, древне-русскому законовѣдѣнію, исторіи, библейской эгзегетикѣ и т. п. смежнымъ областямъ языкознанія въ частности¹⁾.

1) Мы должны были изучать труды: 1) *филологовъ*: Миклошича, Боппа, Курціуса, Востокова, Микуцкаго, А. Хомякова, Гильфердинга, Буслаева, Шерцеля, Срезневскаго, Шимкевича, прот. Павскаго, прот. А. Горскаго и К. Невоструева (*Описание слав. рукописей Синодальной библиотеки*), Колосова, кн. Оболенскаго, Аванасьева (автора „*Поэтич. воззрѣній славянъ на природу*“), А. Будиловича, Брандта, проф. М. Д. Ак. Г. А. Воскресенскаго, Е. Барсова, Лавровскаго, Ягича, О. Миллера, Потебня, А. Соболевскаго, Богородицкаго и мн. др.; 2) *эгзегетическіе труды* по св. писанію богословъ-эгзегетовъ: митр. Филарета, преосвящ. Теофана тамбовск., проф. Спб. Д. Академіи Якимова, Троицкаго и профессоровъ М. Д. академіи: И. Н. Корсунскаго, М. Д. Муретова и нѣкотор. другихъ; 3) *историковъ*: Татищева, Карамзина, Соловьева, Снегирева, Устря-

1) Полнѣе уществующихъ церковно-славянскихъ словарей: прот. Алексѣева, Гильтебрандта, Востокова и изд. 2 отд. Ак. наукъ, который, при количественной полнотѣ словъ, не можетъ быть названъ полнымъ въ смыслѣ качественного ихъ объясненія.

Относясь, насколько позволяли намъ научныя средства, не рабски, но критически къ крайне разнообразному и богатому словарному матеріалу, имѣвшемуся у насъ подъ руками, мы старались воспользоваться всѣмъ богатствомъ научныхъ фактовъ и выводовъ изъ перечисленныхъ областей знанія, смежныхъ съ славяно-русскою филологіею вообще, чтобы ввести ихъ въ составъ словаря и чрезъ него въ живой организмъ родного слова въ его исторіи, безъ которой непонятно современное состояніе его, и превратить эти богатые запасы въ его плоть и кровь. Насколько достигли мы этой цѣли, судить не намъ. Но мы глубоко убѣждены въ необходимости для нашего времени возможно полного, научно-обработаннаго церковно-славянскаго и древне-русскаго словаря и великой важности его.

И здѣсь мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько болѣе на этой мысли, прежде нежели перейдемъ къ изложенію той программы, которой мы держались при обработкѣ нашего словаря.

Необходимость церковно-славянскаго и древне-русскаго словаря видна изъ слѣдующихъ соображеній:

а) Въ настоящее время нѣтъ въ продажѣ полного церковно-славянскаго словаря, доступнаго по цѣнѣ среднему классу читателей. „Церковный словарь“ прот. Алексѣева, весьма устарѣвшій, составленный въ концѣ прошлаго столѣтія (въ 1773—1776 г.), когда только что зарождалось научное изученіе славянскаго и отечественнаго языка, когда не было и рѣчи о сравнительной лингвистикѣ, невѣрный во многихъ объясненіяхъ по части исторіи, археологіи и библейской географіи, обращающій вниманіе только на формы церковно-славянскаго языка одного новаго періода, которыя невозможно научно объяснить безъ формъ древне-русскаго и древне-славянскаго языка, и вовсе не

имѣющій въ виду этихъ послѣднихъ, — словарь Алексѣева, при многихъ, безъ сомнѣнія, достоинствахъ, которыя цѣнны были при тогдашнемъ состояніи славяновѣдѣнія¹⁾, весьма рѣдко встрѣчается въ продажѣ, какъ антикварная рѣдкость, и по цѣнѣ (нерѣдко превышающей 10 р.) далеко не доступенъ всѣмъ.

Словарь А. Востокова, заключающій въ себѣ только объясненіе словъ одного древне-славянскаго языка и при томъ иногда на греческ. и латинск. языкахъ, и по научному изложенію, и по своей цѣнѣ (10—15 р.) не достигаетъ вполне цѣли и не можетъ служить пособіемъ при чтеніи библейскихъ и церковно-богослужебныхъ книгъ на ихъ современномъ церковномъ нарѣчій.

„Матеріалы для древне-русскаго языка“ Срезневскаго далеко еще не окончены и при томъ они незамѣнимое пособіе при чтеніи, главнымъ образомъ, только древнихъ русскихъ лѣтописей. То же нужно сказать о Матеріалахъ древне-русскаго словаря проф. Дювернуа, которые, къ тому же, весьма неполны

1) Вотъ научная оцѣнка словаря прот. Алексѣева, сдѣланная двумя нашими учеными: Н. И. Срезневскимъ и М. И. Сухомлиновымъ; оба они признають за Алексѣевымъ крупную заслугу.

Н. И. Срезневскій, рассматривая трудъ прот. Алексѣева, говоритъ:

„Кто его досталъ, тотъ дорожитъ имъ, хотя бы и зналъ его недостатки, неполноту и ошибки. Неполнота его, впрочемъ, не безсносительна, потому что на 80 печатныхъ листахъ онъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ 20,000 объясненныхъ словъ, постоянно съ ссылками на книги св. писанія, церковныя, учительныя, историческія и проч., изъ которыхъ эти слова извлечены. Недостатки его простительны тѣмъ болѣе, что матеріала, прежде подготовленнаго, было у насъ не много... Для того, кто не владѣетъ ни однимъ изъ языковъ иностранныхъ, словарь Алексѣева тѣмъ важнѣе, что въ него вошло много энциклопедическихъ объясненій о предметахъ древностей ветхозавѣтныхъ и христіанскихъ, судьбахъ церкви, особенно православной, о предметахъ разныхъ наукъ и художествъ. Все это теперь отстало, кое-что и просто неспрдно, но замѣнить словарь Алексѣева и въ этомъ отношеніи для большинства русскихъ читателей нечѣмъ“ (Учен. Зап. II отд. Импер. Ак. н., кн. IV).

Столь же благопріятный отзывъ даетъ объ этомъ словарѣ и М. И. Сухомлиновъ:

„Для своего времени, говорить онъ, трудъ этотъ былъ явленіемъ въ высшей степени замѣчательнымъ; онъ и доселѣ не потерялъ своей цѣны и пригодности при изученіи многихъ памятниковъ русскаго языка и словесности. Писатели XVIII столѣтія привѣтствовали трудъ Алексѣева хвалебными стихотвореніями“ (Истор. Рос. Ак., вып. I-й, стр. 334—335).

лова, Забѣлина, Иловайскаго, Костомарова, Б. Рюмина и др.; 4) археологовъ: проф. Покровскаго, Савваитова, Саввы, арх. тв., Мансветова, прот. К. Никольскаго, Е. Барсова, кн. Оболенскаго, проф. Успенскаго, Флоринскаго, Будиловича, Кондакова, Н. Султанова, Властова и нѣк. др.; въ 5-хъ, мы прослѣдили почти всѣ журналы, имѣвшіе какое-либо отношеніе къ нашей работѣ, какъ-то: Филологическія записки, Рус. Ф. Вѣстникъ, Труды Моск. Археологическаго Общества, Извѣстія Императорской Академіи наукъ, Извѣстія Археологическаго общества, Древняя и новая Россія и т. п. изданія.